

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

5

2018

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.). Публикацию подготовил **П.А. Искендеров** 3

СТАТЬИ

Ю.М. Кобищанов — К периодизации истории цивилизаций I тысячелетия 12

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В.В. Прилуцкий — Джозеф Смит-младший 31

СООБЩЕНИЯ

К.Н. Максимов — Судьбы военнопленных калмыков в 1940—1950-е гг. 43

С.В. Аристов — Нацистские концентрационные лагеря на оккупированной советской территории и «акция 1005» 57

Д.А. Дегтерёв, Ныгусие Кассае В. Микаэль — Первые эфиопские студенты в Российской империи 69

П.О. Керимзаде — Роль образования в зарождении национального движения в Гяндже на рубеже XIX—XX вв. 80

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Н.А. Жерлицына** — Антифранцузское сопротивление в Алжире накануне и в годы первой мировой войны 89

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- А.С. Бережанский** — Народничество на рубеже 70—80-х гг. XIX в. и проблема перехода к политической борьбе 98

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Л.Н. Лобченко** — Соловецкая школа юнг и ее воспитанники 1942—1945 гг. 120
- С.В. Любичанковский** — Профессионально-педагогическая выставка 1898 г. и имперская политика аккумуляции 125
- Е.Г. Неклюдов** — Эволюция правовых условий развития горной промышленности в Царстве Польском 136
- А.Г. Праздников** — Социальный состав участников битвы при Барнете 14 апреля 1471 г. 149
- М.П. Атлагич, Д.М. Элезович** — Служба сербов в Российской империи в XVIII—XIX вв. 156

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.Н. Андреев, Ю.С. Андреева** — Католик Патрик Гордон и русское общество конца XVII столетия 162

Народничество на рубеже 70—80-х гг. XIX в. и проблема перехода к политической борьбе

А.С. Бережанский

Аннотация. Политическая борьба — это борьба не за уничтожение государства вообще, а за смену или завоевание власти. Между тем, идеалом российского крестьянства в 70-х—80-х гг. XIX в. было свободное развитие как отдельных сельских общин, ремесленных и рабочих артелей, так и право на их объединение в различные свободные федерации. Эти идеалы народники истолковывали как особенности русского или даже восточнославянского социализма. Поэтому первоначально в их представлении борьба за эти идеалы носила неполитический характер. Но им противостояло, как отмечал Г.В. Плеханов, не абстрактное «государство», а реальное русское полицейское государство. Поэтому их борьба вопреки собственной теории постепенно стала политической. Как конкретно это происходило и какие трудности им предстояло преодолеть — об этом говорится в данной публикации. Автор стремился наиболее полно представить точку зрения Плеханова на указанную в заголовке проблему.

Ключевые слова: анархизм, аполитик, антигосударственник, бакунист, бунтарь, политика и социализм, политическая и классовая борьба.

Abstract. Political struggle is not struggle for abolishment of the state but only for change or conquest of political power. However the ideal of Russian peasantry in 70s—80s of the XIX century was free non-state development of agricultural communities, as well as artisan and workmen cooperatives and their right for unification into free federations. These ideals were perceived by narodniks (Russian populists) as the features of Russian or even Eastern Slave socialism. That is why their struggle for these ideals bore at first non-political character. However their withstander, as noted by Plekhanov was not an abstract “state” but concrete and real Russian police state. This resulted in graduate perception of their struggle with the state as political struggle. This work is devoted to description of this process and of the difficulties to be overcome. The author’s goal was to present Plekhanov’s point of view to the problem shown in the title in the most complete way.

Key words: Anarchism, apolitical an, anti-state, bakunist, rebel, politics and socialism, political and class struggle.

Эволюция народничества в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в. шла от отрицания политики в ее полном объеме, включая государство, к

Бережанский Александр Самуилович — историк, член Правления Фонда развития социально-демократических и социалистических идей им. Г.В. Плеханова. Израиль. E-mail: olgabereg@gmail.com.

Berezhansky Alexander S. — historian, member of the Management Committee of Fond for the development of social-democratic and socialist ideas named “G.V. Plekhanov”. E-mail: olgabereg@gmail.com.

постепенному признанию значения политических (гражданских) свобод при одновременном безразличном или даже отрицательном отношении к политическим учреждениям и самому государству. И только позже пришло признание необходимости существования государства и политических учреждений по крайней мере в течение некоторого времени. Кратко эту эволюцию можно выразить так: от анархии — к стихийной, неосознанной и ограниченной «политике» и от нее — к государственности и вместе с тем к осознанной политической борьбе. В полной мере отойти от анархизма можно было только решив по-новому проблему государства, без чего так называемая «политика», включая политические убийства, укладывалась в рамки анархизма и понималась как расширение и углубление бунтарской деятельности.

С вопросом об отношении к государству члены «Земли и воли» вплотную столкнулись тогда, когда террористическая борьба привела их к покушению на жизнь царя ¹. Вот почему для них цареубийство было не простым террористическим актом, стоявшим в ряду других им подобных, а событием особенным, и неудивительно, что разногласия среди землевольцев вплоть до их окончательного разделения в конце лета 1879 г. вращались вокруг этого вопроса. «Характеризуя в немногих словах сущность споров, — писал Л.Г. Дейч, — следует сказать, что они сводились к вопросу, — надо ли продолжать “облаву на Сашку”, как промеж себя мы величали Александра II» ². Как видим, здесь ни слова не говорится о политической борьбе.

С другой стороны, известны слова С.Г. Ширяева, произнесенные им на суде, о том, «что распадение народнической партии на две фракции вышло вовсе не из-за террора и цареубийства, но обуславливалось разницею во взглядах на политическую деятельность» ³. Эти слова обычно истолковываются как указание, что суть разногласий коренится в вопросе: принимать ли участие в политической деятельности вообще или нет? Тех, кто положительно решал этот вопрос, называли «политиками», противников политической борьбы — «деревенщиками» или по-старому «народниками». Так, например, В.А. Твардовская считает, «что сущность разногласий “политиков” и “деревенщиков” заключалась не в вопросе о цареубийстве, а в программных расхождениях, в различном отношении к вопросу о политической борьбе с правительством» ⁴.

Однако при решении этого вопроса следует также учесть точку зрения Н.С. Тютчева, который, по словам Е. Колосова, считал, что «народники землевольческой эпохи были антигосударственниками, но далеко не являлись “аполитиками”» ⁵. Этим он хотел сказать, что в целом «Земля и воля», в отличие от предшествовавшего периода, вполне определенно признавала значение политических свобод. То же отмечал и Дейч, писавший, что «совершенно ошибочен взгляд», будто лишь под влиянием народовольцев чернопередельцы также «перестали отрицательно относиться к конституционной форме правления. К концу 1870-х гг., если не все, то, во всяком случае, большинство народников отказалось от взгляда, распространенного Бакуниным, что политическая свобода безразлична, если не вредна, для дела полного освобождения трудящихся масс» ⁶.

Вышесказанное позволяет расширить смысл слов Ширяева и увидеть разногласия не в политике вообще, а в вопросе, что понимать

под политической деятельностью и какую «политическую» деятельность считать совместимой с программой «Земли и воли».

На первый взгляд кажется, что говорить о совместимости какой бы то ни было политической деятельности с программой этой организации парадоксально. Однако при внимательном рассмотрении проблемы выясняется следующее:

1). Организация «Земля и воля» устраивала демонстрации, шествия, собрания и т.п., носившие, по существу, частично или даже целиком политический характер ⁷.

2). Землевольцы принимали участие или сами организовывали стачки рабочих, исходя из задачи не ограничивать их одной экономической борьбой. Дело в том, что отстаивание самих по себе экономических требований рабочих не входило в их программу. Однако вопреки своим планам землевольцы включались в экономическую борьбу рабочих для налаживания революционных связей в народе. И здесь необходимо отметить одну существенную особенность, отличавшую их впоследствии от народовольцев. Если народовольцы стремились выступлениями рабочих поддержать политическую борьбу, которую они вели против самодержавного правительства, то землевольцы пытались придать экономической борьбе, если можно так выразиться, «политический» характер, то есть отучить рабочих заниматься политикой. Этим объясняются попытки землевольцев не ограничивать борьбу экономическими стачками, а доводить ее до открытых выступлений против предпринимателей и властей. Став марксистом, Г.В. Плеханов писал, что в практической деятельности «социал-демократ вовсе не так далек от народника», что «в этом отношении у народника гораздо больше общего с социал-демократом, чем, например, с “народовольцем”» ⁸. В этом землевольцы несомненно были ближе к осознанию классового характера рабочего движения, чем позже народовольцы ⁹.

3). Они активно участвовали в так называемой «дезорганизаторской» деятельности, основу которой составлял индивидуальный террор. Как отмечала Твардовская, террор с самого начала больше походил на политический, чем на «дезорганизаторский» ¹⁰.

4). Политической деятельностью следует считать нелегальную издательскую деятельность «Земли и воли» — выпуск листовок, газет, журналов, воззваний ¹¹.

5). Наконец, политической деятельностью явилось участие землевольцев в политических процессах. И хотя Н.А. Троицкий, характеризующий такое участие, «как своеобразную революционную акцию подсудимых» ¹², склонен был видеть ее, прежде всего, у народовольцев, однако политическое значение процесса не всегда зависело от того, кого судили: «политика» или анархиста.

Таким образом, фактически политическая деятельность землевольцев была достаточно разносторонней и несмотря на это в их представлении она не противоречила землевольческой анархической программе.

Объяснение этому следует искать в том, что пока еще никакой вид деятельности не ставил перед ними проблему отношения к государству практически. Конечно, и при агитации и пропаганде, и при организации стачек и выступлений они сталкивались с сопротивле-

нием государства. Но, в соответствии со своей социально-экономической доктриной, полагали, что ведут не политическую, а только антигосударственную борьбу, то есть остаются анархистами. Социальное освобождение крестьян представлялось им как акт, совершенный без помощи государства, в котором крестьяне и вообще народные массы сами освобождают себя, выделяясь в самоуправляющиеся общины и артели. Как отмечал В.И. Ленин, «проповедовался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины»¹³.

Что касается капиталистических элементов в деревне и в городе, то считалось, что они существуют благодаря поддержке государства и с его уничтожением будут обречены на изоляцию и гибель. Таким образом, согласно первоначальным взглядам землевольцев, уничтожение капиталистических форм также не потребует политических усилий.

Однако позже, особенно с 1878 г., эти взгляды стали претерпевать некоторые изменения, сущность которых заключалась в невозможности и дальше игнорировать государство как политическую силу в борьбе с нарождавшимся капитализмом. Уже газета «Начало», выступая против конституционалистов-либералов, в то же время признала политический переворот желательным и для социалистов. Несмотря на известную противоречивость, этот взгляд совмещался с бакунизмом, и многие землевольцы готовы были если не одобрить, то смириться с ним.

Разгадка в том, что если до этого социалисты отрицательно относились к какой бы то ни было попытке политического переворота как ведущей к торжеству буржуазного строя, то теперь они стали оценивать его положительно с точки зрения борьбы с новым представительным государством, которое, по их мнению, будет значительно слабее первого и борьба с которым будет проще, чем с первым. Например, А. Тун так излагал их взгляды: «... в России буржуазия еще недостаточно сильна, довольно невежественна и лишена ясного сознания своих классовых интересов; поэтому здесь при парламентском режиме легче будет покончить с нею, чем в Западной Европе»¹⁴. Притом под борьбой с новым правительством понималась не политическая борьба, какой она представлялась в капиталистическом обществе, а старая народническая тактика. Газета «Начало» писала о том, что политический переворот «поставит народ в открыто враждебные отношения к новому “барскому” правительству. Старый предрассудок, в виде надежды на общий передел при посредстве правительства, исчезнет бесповоротно. Народ, потеряв из виду призрачную царскую помощь, станет лицом к лицу со своими эксплуататорами и поймет, где его настоящие враги и друзья»¹⁵.

Отсюда вытекает принцип, которого придерживались позже «деревенщики» в своей полемике с «политиками», — принцип, не чуждый всему позднему землевольчеству: для социалиста точкой приложения сил должны быть, прежде всего, народные массы, и хотя социалист не отрицает «политики» принципиально, он считает, что ею, то есть политикой, должна заниматься буржуазия.

Таким образом, либералы-конституционалисты добивались политических прав, социалисты даже были готовы оказать им услугу в этом своей дезорганизаторской деятельностью (теперь ее можно было считать политической), поскольку она не превращалась во всеохват-

тывавшую систему политической борьбы. Сами же социалисты, используя слабость нового государства, стремились к экономическому перевороту в интересах народа. Причем, политическое освобождение должно было быть достигнуто не борьбой либералов, к которой народ останется по-прежнему глух и результатом которой станут буржуазные свободы для имущих, а явится опять-таки результатом экономического освобождения.

Перед нами бакунизм, обновленный политической аргументацией, так как «политика» признается, во-первых, в качестве подсобного средства и, во-вторых, только лишь в борьбе с самодержавным правительством. Социалистического идеала мыслилось достичь по-прежнему неполитическими средствами.

Отсюда вывод: у анархистов политической деятельностью считалась только та, которая связана с определенным отношением к государству. Если действия направлены на овладение государством и его аппаратом или на слом старого аппарата и создание нового, то такие действия являются политическими. Сюда также следует отнести участие в представительных органах (парламентах, учредительных собраниях и т.п.). В иных действиях, если они не ставят подобных целей, анархисты не видели политической борьбы, даже если они по существу являлись политическими. Эта черта роднит всех анархистов: от чистых пропагандистов-аполитиков начала 1870-х гг. до политиков-антигосударственников землевольческого толка.

Как отмечал Плеханов, землевольцам не давало возможности понять, что они ведут политическую борьбу, с одной стороны, то обстоятельство, что деятельность их проходила в самодержавном, а не в «правовом» государстве. «Социально-политический склад русской жизни, — писал он, — казалось, в особенности оправдывал обязательное для всех анархистов отрицание “политики”. Прежде, чем выступать на поприще политической агитации, русский “обыватель” должен превратиться в гражданина, т.е. завоевать себе хоть какие-нибудь политические права, а прежде всего, разумеется, право думать, что хочет, и говорить, что думает»¹⁶. Указанное обстоятельство не меняет того обстоятельства, что по своему реальному, объективному смыслу, как отмечал Ленин, их деятельность носила политический характер, так как на практике была направлена на уничтожение самодержавного государства¹⁷. «Будучи верны заветам Бакунина, — писал также Плеханов, — они (бунтари. — А.Б.) хотели бороться с “государством”. Но в России им приходилось бороться не с понятием государства, а с конкретным русским полицейским государством. Поэтому их агитация, вопреки Бакунину, считавшему всякую “политику” изменой революции, неминуемо приобретала определенный политический характер. Логика общественной жизни вынуждала русских революционеров сделать то, что им, с точки зрения их теории, представлялось изменой»¹⁸.

С другой стороны, Плеханов подчеркивал, что главный вопрос, лежавший в основе почти всех проявлений народного недовольства, — аграрный вопрос — «не вызывал политического недовольства. Крестьяне со спокойною уверенностью ожидали решения этого вопроса сверху: они “бунтовались” не во имя земельного передела, а против притеснения администрации, против непомерных тягостей податной

системы, против азиатского способа взыскания недоимок и т.д. и т.п.»¹⁹. Еще раньше на это обратил внимание Н.И. Кибальчич²⁰. А Ленин позже объяснял это так: «Прикрепление к своему отдельному маленькому хозяйству отнимало у него (крестьянина, мелкого товаропроизводителя. — А.Б.) возможность понять истинный характер государства, — и он обращался к нему с просьбой о поддержке и развитии мелкого (“народного”) производства»²¹.

Кроме того, проблема перехода к политической борьбе упиралась в одно не совсем верное представление, распространенное, по крайней мере, среди части революционного лагеря. Предполагалось, что вплоть до перехода к террору, народники пользовались исключительно мирными средствами борьбы (пропаганда и агитация), а с переходом к террору — открыто насильственными. Выходило, что политическая борьба — деятельность насильственная, а деятельность мирная, ненасильственная — не политическая. В этой связи напомним о возражениях Плеханова на описание Н.А. Морозовым споров, произошедших на Воронежском съезде: «Если Морозов думал, что наши разногласия выражаются антитезой: или террор или убеждение, то он просто-напросто ничего не понимал в тактике общества “Земля и воля”. Это общество было обществом бунтарей, стремившихся вызвать путем агитации массовое движение в народе. Стало быть, спор между нами мог быть выражен формулой: или агитация в массе или террор. Но об этом до сих пор забывают те, которым хочется изобразить тогдашних “народников” в виде “культуртрегеров”»²².

Таким образом, уяснить, что они ведут политическую борьбу, землевольцам мешала социально-экономическая отсталость России и обусловленная этим общая система их взглядов, а также вся обстановка самодержавно-полицейского государства, в которой проходила их деятельность, а в некоторой степени — неправильное представление о формах деятельности организации, что, в свою очередь, также являлось следствием отсталости социально-экономических отношений страны.

Практически к проблеме отношения к самодержавному государству землевольцев привела «дезорганизаторская» деятельность, дошедшая до покушений на цареубийство. При постановке этого вопроса они волей-неволей должны были его решить. Однако от постановки вопроса до его решения также прошло определенное время, и только с появлением теории «заговора» и «захвата власти» нашло выражение их отношение к государству.

Разгар споров внутри «Земли и воли» пришелся на то время, когда в целом еще не определилось отношение «политиков» к государству, когда они еще не стали государственниками. Не случайно поэтому, что спор между двумя фракциями «Земли и воли» принял характер не принципиальных расхождений по программным вопросам теории, а тактических разногласий по вопросу о цареубийстве. Если бы проблема лежала в чисто теоретической плоскости: переходить ли к политической борьбе или и дальше воздерживаться от нее, то в тех условиях это означало бы дилемму: превращаться ли в передовой отряд либералов-конституционалистов или вести борьбу за народное дело, то есть остаться верными народническому социализму. Естественно, что никто сознательно не занял бы первой позиции.

Следовательно, данная альтернатива заставила бы по-новому посмотреть на соотношение экономических и социальных предпосылок их теории с политической борьбой. А такой пересмотр не вызвал бы раскола. Только тактические разногласия, независимо от того, что за ними скрывалось, могли привести и действительно привели к расколу организации на две части. Это позволяет считать, что эволюция землевольчества пошла бы дальше к политике и без раскола, не прими он столь резкого и однобокого характера ²³.

В этом случае «политики» (будущие народовольцы) не смогли бы стать зачинателями политической борьбы (на практике они даже не были единственными зачинателями терроризма, например, В.И. Засулич и С.М. Кравчинский не были «политиками»), а «деревенщики» не заслужили бы упрека в том, что стали их консервативными оппонентами.

Решение будущих народовольцев направить террор против царя ускорило их превращение в политических деятелей, а позиция будущих чернопередельцев задержала их политическое развитие. Конечно, возникнув, «Народная воля» оказала влияние на «Черный передел», как и на революционное движение России в целом в деле окончательного разрыва с анархизмом. Однако было бы ошибкой приписывать заслугу в этом только народовольчеству. В свое время Дейч возражал В. Богучарскому, что нельзя представлять, будто предшественники народовольчества «мечтали только о восстановлении “казацких кругов” и “анархии” и ничего другого, кроме приготовления столь ужасных порядков, не предпринимали» ²⁴.

Дело в том, что существовал другой путь перехода к политической борьбе, а именно тот, которым шло рабочее движение: через осознание рабочими своих классовых интересов, через социалистическую пропаганду и организацию, через классовую борьбу ²⁵. А так как многие чернопередельцы (Плеханов, М.Р. Попов, П.Б. Аксельрод и др.) были связаны с рабочими, для них не исключалась возможность признания политической борьбы вместе с рабочим движением. Относительно Плеханова уже высказывалось мнение, что, не возникни весной 1879 г. вопрос о царубийстве, признание с его стороны права за рабочим классом политической борьбой пошло бы быстрее, поскольку раскол его только задержал ²⁶. Зато в конце концов он сосредоточил внимание Плеханова на слабых местах бакунизма и землевольчества, помог вскрыть их внутреннюю противоречивость и перейти в дальнейшем на позиции научного социализма ²⁷.

«Дезорганизаторская» деятельность, которая по-новому поставила перед землевольцами проблему государства, вначале включала борьбу с наиболее ненавистными и вредными, с точки зрения революционеров, лицами из правительственного лагеря, а также ликвидацию шпионов и провокаторов. Основным средством борьбы являлся индивидуальный террор. Террористическая деятельность была уделом членов дезорганизаторской группы «Земли и воли». Бывали, однако, случаи, когда ею занимались землевольцы, не входившие в нее, и даже лица, формально не принадлежавшие к организации, а только сочувствовавшие ей. Но во всех случаях «Земля и воля» официально признавала и брала на себя ответственность за совершенные покушения, а также всегда объясняла мотивы как своих, так и не своих

приговоров перед публикой. На такие акты террора не смотрели как на политическую борьбу: они были текущим делом части организации. Вопрос об убийстве того или иного лица не обсуждался всей организацией, поскольку не был вопросом принципиальным. Так было с покушениями С. Кравчинского на Мезенцова, Л. Мирского на Дрентельна, с убийством шпионов и т.д.

Совсем по-иному должно было обстоять дело с первой же попыткой покушения на царя. Обычно покушения на перечисленных выше лиц, а также на некоторых других предпринимались в связи с их конкретными преступлениями перед революционным движением. При покушении на монарха речь должна была идти уже не о конкретном носителе преступления, а в целом о системе, которую он олицетворял.

Но, видимо, не все выдающиеся землевольцы это понимали. Например, Морозов в статье «Признаки времени» («Земля и воля», № 2), подчеркивая различия между политическими покушениями на Западе и в России, писал, что там они направлены на принцип монархизма в целом, сводятся к изменению политической системы, в России же — на отдельные личности, стоящие выше суда и законов²⁸. Следовательно, для него покушение на царя являлось продолжением борьбы против отдельных лиц. Правда, когда покушение на царя было уже совершено, он, видимо, начал понимать, что дело шло не о личностях. В статье «Отголоски 2 апреля» («Земля и воля», № 5) он писал: «Покушение 2 апреля не только знаменательный факт протеста, — оно начинает принимать характер исторического события, последствия которого трудно даже предвидеть. Покушение 2 апреля — событие страшное, мрачное знамение времени. Это грозное *temento togі*, предъявляемое нарождающимся будущим отживающему порядку вещей»²⁹.

Взгляды Морозова в той или иной степени, видимо, разделяли все участники Липецкого съезда. По крайней мере по форме приговор Александру II, если верить Морозову, выглядел по-старому. Михайлов выставил против него целый ряд конкретных обвинений, на каждое из которых участники съезда должны были ответить: виновен ли царь в них или нет? Как известно, по всем пунктам предъявленного обвинения он был признан виновным³⁰. Получалось, что землевольцы опять бросали вызов не системе в целом, а конкретной личности³¹.

Те же самые, если не более полные, обвинения выдвигались против Александра II в № 3 «Народной воли», где сообщалось о покушении на царя 19 ноября 1879 года. Это говорит о том, что и позже народовольцы не вполне ясно представляли различие между борьбой против политической системы и ее отдельными представителями. Когда в «Политических письмах социалиста» Н.К. Михайловский, упрекая народовольцев в узости их представлений о политической борьбе, восклицал: «Нет, не Гейкинг и Кропоткин должны быть убиты, а идея самодержавия!», редакция «Народной воли» сделала от себя примечание: «Мы не вполне понимаем взгляд автора на политические убийства. Во всяком случае не берем ответственности за его мнение»³².

Действительно, задача убийства «идеи самодержавия» была намного сложнее, чем подготовка и осуществление убийства царя. Помимо противоречия со старой программой, новые цели выдвигали

более грандиозные задачи, и это понимали противники новой тактики — Плеханов, Попов и некоторые другие, считавшие средства достижения этих задач недостаточными. Например, Попов, участник дезорганизаторской группы «Земли и воли» (то есть тоже террорист), выступал на Воронежском съезде против политической борьбы. Таким образом, можно было смотреть на террор, пока он не повернулся против царя, как на неполитическую форму борьбы, быть не против террора, но против политики, что соответствовало программе «Земли и воли»³³.

Точно так же принципиально против любого террора не выступал и Плеханов. Достаточно напомнить, что он состоял в одной рабочей группе с членами дезорганизаторской группы Тютчевым, А.К. Пресняковым, Поповым, восторженно встретил выстрел Засулич в Ф.Ф. Трепова, был сторонником вооруженного сопротивления при арестах и сам неоднократно готовился его оказать. Следовательно, когда Плеханов выступил против покушения на царя, он был не против террора как такового, а против его превращения в средство политической борьбы, ибо представлял политическую борьбу или, как он выражался, революционное действие, не так узко, как «политики»³⁴. А так как, с точки зрения последовательного землевольца, каким был Плеханов, террористические акты не могли изменить политическую систему, он вообще выступал против «политики». Причем, речь уже шла не о поддержке террора в завоевании политических свобод, не о поддержке борьбы за конституцию, то есть не о «политике» как подсобном средстве, а о всеохватывающей системе политической борьбы, которую должны вести сами социалисты.

Встречаются утверждения, что Плеханов отождествлял политическую борьбу землевольцев-политиков, а потом народовольцев только с терроризмом и в своих спорах с «политиками» был слишком односторонним, критикуя их за террор, не учитывая организаторскую, пропагандистскую и другие формы деятельности³⁵.

Если подходить к сравнению практической деятельности землевольцев с тем, что позже практиковали народовольцы, то нужно, прежде всего, отметить, что изменялось соотношение, а также общий объем, но не сами формы деятельности³⁶. В настоящее время существует мнение, что в период расцвета «Народной воли» такие области работы, как организаторская, агитационная, пропагандистская у нее были шире, чем у «Земли и воли», по крайней мере, среди студенчества, общества, армии, рабочих. Касательно рабочих — это утверждение весьма сомнительно³⁷. Но можно согласиться относительно остальных. Однако надо иметь в виду, что, если бы «Земля и воля» не раскололась, указанные формы деятельности (особенно среди народных масс) были бы значительно шире. Таким образом, если даже признать, что сфера деятельности «Народной воли» расширилась, то и тогда нельзя не согласиться с тем, что террор оставался основной деятельностью, поглощавшей основные силы партии. М.Ф. Фроленко, например, подчеркивал, что исполнение намерения убить царя требовало «громких усилий, денег, целой организации»³⁸, то есть фактически соединения усилий различных форм деятельности³⁹. Следовательно, это сужало политическую борьбу. Напротив, новый политический этап революционного движения требовал расширения политической борьбы и придания всем ее видам политического характера.

Выходит, что Плеханов был прав, когда связывал изменения в революционном движении с терроризмом. Движения «Народная воля» стало политическим благодаря терроризму, доведенному до царубийства. Направляя против царя главный удар, Плеханов целился в самое слабое, с точки зрения теории, место народовольцев, обнажая непоследовательность их программы в целом.

Вместе с тем, надо подчеркнуть, что с самого начала разногласий между «политиками» и «деревенщиками» позиция, занятая Плехановым и другими, нисколько не означала, что «деревенщики» были против политических свобод: личности, печати, права для рабочих проводить стачки и т.д. Они только, в соответствии с программой «Земли и воли», считали, что завоевание политических свобод — дело, прежде всего, либералов-конституционалистов, а не социалистов-народников.

Получалась следующая картина. Землевольцы-политики должны были бороться против политической системы, а не против отдельных лиц; на деле же — та форма борьбы, которую они избрали, приводила к борьбе именно против последних. «Деревенщики», хотя и признавали индивидуальный террор в качестве борьбы против отдельных лиц, на деле выступили против него, когда речь зашла о царе, потому что яснее представляли, что борьба против отдельных лиц не изменит политической системы в целом. Первых практическая деятельность приводила к постановке проблемы политической борьбы (включая отношение к государству), вторые во имя более правильных, хотя и отрицаемых ими теоретических представлений о политической борьбе, выступили против той практической деятельности, которая в конкретной исторической обстановке ставила политическую борьбу на позитивную почву.

Однако даже выставление принципа непосредственной и самостоятельной борьбы за политические свободы не означало еще полного оформления отношения землевольцев-политиков к государству. Только с принятием программы Исполнительного Комитета и появлением теории «заговора» и «захвата власти» они становились сознательными политическими борцами.

Это видно на примере обсуждения программы «Народной воли». Как сообщает О.С. Любатович, во время собрания на квартире А.А. Квятковского разногласия касались вопроса: дезорганизация правительства с тем, чтобы оно дало возможность народу выразить свою волю, или захват власти путем заговора с тем, чтобы декретировать сверху конституцию, а затем уже передать власть народу⁴⁰. Но и среди сторонников второй точки зрения не было единодушия. Одни считали, что, захватив власть, надо немедленно передать ее Учредительному собранию, то есть народу, который сам выработает конституцию. Другие утверждали, что только в том случае народ сможет проявить свою волю через Учредительное собрание, если конституция будет выработана и дана народу революционным меньшинством. В противном случае Учредительным собранием воспользуются либералы.

Сторонников дезорганизации правительства с целью получить политические свободы можно еще считать антигосударственниками или несознательными политиками. Вторые направляли свои действия на овладение (хотя бы временное) государством и его аппаратом, становясь на более последовательный путь политической борьбы.

С принятием программы Исполнительного Комитета вторая точка зрения стала официальной, но разногласия в понимании «политики» и политической деятельности остались, так как опубликованный в № 3 «Народной воли» текст программы не преодолел конфликты, существовавшие в период ее обсуждения. В ней говорилось, что партия ставит своей задачей «провести политический переворот с целью передачи власти»⁴¹. Причем политический переворот формально допускался или «как результат самостоятельной революции»⁴² — в этом случае, по-видимому, предполагалось «отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному Собранию»⁴³, или «при помощи заговора»⁴⁴ — и тогда следовало создать Временное правительство, которое должно было способствовать созыву Учредительного собрания. Но так как слова о «самостоятельной революции» были данью прошлому и серьезного значения им никто не придавал, то фактически речь шла о заговоре, а затем уже о Временном правительстве и Учредительном собрании. Это подтверждают слова Л.А. Тихомирова: «Первоначально преобладающая идея “Народной воли” была идея заговора с целью низвержения правительства и созыва учредительного собрания, или же, смотря по обстоятельствам, захвата власти»⁴⁵.

Признание необходимости овладения государством в условиях отсутствия массового революционного движения логически выливалось у народовольцев в теорию «захвата власти», которая, в свою очередь, явилась как бы следствием примирения социалистической совести народовольцев с политическим радикализмом мелкобуржуазных революционеров, какими, по существу, они были в своей политической борьбе.

На наш взгляд, исследователи народовольчества идеализируют теорию «захвата власти», когда считают, что она не исключала народного восстания. Она не исключала народного восстания на словах, но на деле сводила его или к восстанию партии⁴⁶, то есть опять-таки к заговору, или к прежнему бунтарству, но уже без агитации в народе. Так, например, С.С. Волк полагает, что в Липецкой программе ставилась задача вести подготовку заговора, а для успеха заручиться поддержкой народа и передовой части общества⁴⁷. Выходит, что без поддержки народа заговор не имеет шансов на успех. Но ведь заговор и есть альтернатива народному восстанию. Как же можно поддержать заговор тем, что невозможно? Следует допустить другое, а именно, что заговорщики только начинают, а затем их дело переходит к самим массам, то есть заговор — это первый шаг на пути политического переворота, второй же шаг — народное восстание. Тогда можно считать, что тактика заговора — это дальнейшее развитие принципа бунтарства (агитации действием). В этом случае переход к террору (допустим, что это было вспомогательное средство для заговора и захвата политической власти) и созданию тайной революционной организации, то есть «Народной воли», способной взять власть в свои руки, должен был сопровождаться еще большей, чем раньше, организаторской деятельностью в народе (крестьянстве и рабочем классе). Иначе, если следовать логике Волка, заговор не мог быть успешным. Но в том-то и дело, что ни о каком расширении деятельности среди крестьянства речи не шло. И не только потому, что сил было мало, но, прежде всего, изменилось настроение большей части землеволь-

цев, а также следовавшей за ними молодежи, которая, без всякого сомнения, если и не разочаровалась в народе, то не верила в революционные возможности народа в данное время. Что касается рабочего класса, то есть прежде всего фабричных рабочих, то хотя, как показывают работы Волка, М.Г. Седова и некоторых других, деятельность среди них усилилась с образованием «Народной воли», особенно с 1880 г. и до убийства царя, но и здесь она не была большей, чем у «Земли и воли» в 1878 — начале 1879 года. Неудивительно поэтому, что теория «захвата власти» на практике вылилась в терроризм. Недаром Тихомиров писал, что «идея заговора оставалась почти на бумаге и мало-помалу заглохла, а идея террора все росла и усиливалась...»⁴⁸ Таким образом, положение: «заговор при поддержке народа» — это не осознанный разрыв с народничеством и переход на позиции мелко-буржуазного радикализма.

Не приходится удивляться также тому различию во взглядах на политическую деятельность, которая отличала даже наиболее выдающихся народовольцев. Так, Морозов под политической деятельностью понимал усиленный террор, охватывающий все сознательные элементы общества. При этом, представляя его как «современную форму революции», он «отрицательно относился к централистской организации террора, мешающей повсеместному росту этой формы революции»⁴⁹. Всеохватывающий террор должен был, по его мнению, привести к получению политических свобод. На этом «политика» для него заканчивалась, а далее шли мирные средства борьбы: всеобщие выборы и народоправление⁵⁰.

В противовес Морозову, «якобинцы», группировавшиеся вокруг М.Н. Ошаниной, смотрели на политическую борьбу, как на организованный и руководимый из центра заговор, долженствующий привести к «захвату власти» и декретированию нового строя сверху.

Более широкое представление о политической борьбе имели А.И. Желябов и Н.Н. Колодкевич, которые, хотя и смотрели на государственный переворот как на заговор, но видели в нем начало пробуждения всего русского народа. Террор же у них выступал, с одной стороны, как «средство завоевания конституционных прав, необходимых для работы в народе»⁵¹, а с другой, — «в качестве мести Александру II за жестокие репрессии»⁵².

Промежуточную позицию, как отмечает С.С. Волк, занимал Михайлов. «В главные средства он включал и царубийство, но непременно в связи с другими главными средствами»⁵³. Однако в дальнейшем он, видимо, все больше склонялся к царубийству. Своим единомышленникам из крепости он писал: «Должно стать ближайшей задачей не переворот государственного строя, а еще одно сильнейшее потрясение его. Необходимо своротить еще зараз две головы, и вы победите. Абсолютизм сделается немыслимым. Никто не рискнет поднять голову на плаху царей-единодержавцев...»⁵⁴

Еще больше разногласия касались вопроса о соотношении политики и социализма. Исходя из старой бакунистской точки зрения, переход к политической борьбе означал измену делу социализма. Поэтому, чтобы не изменять ему, социализм просто отодвигали на будущее. Получалось, что политическую борьбу народовольцы вели не как социалисты, а просто как радикалы, завоевав же политические

свободы, они переставали быть радикалами-политиками, то есть переставали вести политическую борьбу и снова становились социалистами-народниками⁵⁵. Так как переход к политической борьбе не означал для народовольцев пересмотра теоретических основ их взглядов, как позже для членов группы «Освобождение труда», то связать социализм, сторонниками которого они продолжали себя считать, и политическую борьбу, на путь которой они стали, народовольцы органически не могли. У них получалось: или социализм или политическая борьба (по Желябову); или отрицание политической борьбы во имя социализма (чернопередельцы); или и социализм и политическая борьба (по Тихомирову).

У Желябова социализм противопоставлялся политике, и политика выбиралась как неизбежность, без которой невозможно утвердить социализма в будущем⁵⁶. Задача еще не решалась, но создавались предпосылки для ее правильного решения. Плеханов показал позже, что противопоставлять социализм политике — значит стоять на почве народничества⁵⁷. Вместе с тем, слова Желябова, сказанные им на Воронежском съезде, о поддержке стачечника, поскольку он борется с полицией, говорят, что Желябов признавал известную связь политической и классовой (в данном случае экономической) борьбы, однако уяснить их истинное соотношение ему мешал старый народнический предрассудок. Позиция Желябова могла быть переходной к социал-демократическому мировоззрению. Позже Плеханов подчеркивал ее широту и называл Желябова радикалом в самом лучшем западно-европейском смысле этого слова⁵⁸. Фактически Желябов исходил из наличия буржуазно-демократического движения, которое тогда только и могло бы свергнуть самодержавие. В этом заключалась его сила, социал-демократом он мог стать позже, если бы захотел остаться социалистом после свержения самодержавия.

С точки зрения теории, которой придерживалось народничество, позиция чернопередельцев (отрицание политической борьбы во имя социализма) была более последовательной. Однако невозможность сплотить молодежь под старым знаменем обрекала их на бездеятельность, они попадали в положение, в которое до них попали лавристы, то есть в теории — шире взгляд, дальше горизонты, а на практике — фактически одна пропаганда верности своей теории. Отсюда попытки дополнить свою тактику аграрным и фабричным террором, как-то поспеть за жизнью. Все же большая широта и последовательность взглядов чернопередельцев таила в себе потенциальную возможность более легкого, чем у народовольцев, пересмотра коренных основ старого мировоззрения, что и произошло позже у части чернопередельцев.

Позиция Тихомирова (и социализм и политическая борьба) была достаточно практичной, чтобы привлечь народническую молодежь, теоретически же она никуда не вела и от социал-демократии была еще дальше, чем какая-либо другая. В общем и целом политические взгляды Тихомирова и народовольцев «тихомировского согласия», как называл Плеханов народовольцев, тяготевших к его взглядам, формировались под определенным влиянием идей Михайловского.

Будучи самоотверженным и решительным сторонником политической борьбы с самодержавием, он старался привлечь к ней народо-

вольцев, используя аргумент о возможности предотвращения развития капитализма путем ликвидации самодержавия. Еще в «Политических письмах социалиста» призыв к политической борьбе с самодержавием обуславливался у Михайловского ответом на вопрос: когда вероятнее победа капитализма в России — при самодержавии или без него? Так как Михайловский считал, что при самодержавии вероятность упрочения капитализма («приватного хищничества») намного больше, чем при конституционном режиме, то полагал, «что политический nepотизм выгоден только врагам народа»⁵⁹.

Иногда встречается утверждение, что такая постановка вопроса о политической борьбе была сугубо народовольческой, и она вполне опеределилась с № 2 «Народной воли», где была помещена статья Михайловского (Гроньяра). Однако, как отмечалось выше, на подобный вопрос в таком же смысле отвечала еще газета «Начало» в 1878 г., и взгляд ее не был чужд землевольчеству. Значит в статье Михайловского она не была еще народовольческой, так как у Михайловского социализм не вытекал непосредственно из борьбы с самодержавием. На крестьянскую общину и возможность установления социализма он, как известно, смотрел несколько иначе, чем ортодоксальные народники. В той же статье он писал: «Конституционный режим есть вопрос завтрашнего дня в России. Этот завтрашний день не принесет разрешения социального вопроса»⁶⁰. Кроме того, борьба с самодержавием означала у Михайловского борьбу только с «приватным хищничеством» (то есть с наиболее дикими формами капитализма), не исключая, по-видимому, продолжение существования после ликвидации самодержавия капитализма американского или западноевропейского типа.

Народовольческой постановка вопроса стала тогда, когда народовольцы «тихомировского согласия» пошли дальше Михайловского и посчитали возможным политические акции революционной организации направить одновременно и против самодержавия и против капитализма вообще. Поэтому просто «политику» без социализма Тихомиров отвергал. По существу это означало сведение и политического (самодержавие) и социально-экономического (социализм) вопросов к одному политическому⁶¹.

Отсюда видно различие в постановке политического вопроса поздними землевольцами, а потом чернопередельцами и народовольцами «тихомировского согласия». У землевольцев политический вопрос рассматривался в неразрывной связи с вопросом социально-экономическим, политическая борьба только поддерживалась, основное внимание уделялось работе в массах, на которые и возлагалась надежда не только экономического, но и политического освобождения. У народовольцев же предполагалось не столько поддержать, сколько самим начать активную политическую борьбу с самодержавием. Борьба должна была вестись во имя тех же целей — предотвратить развитие капитализма. «“Политики” целиком разделяли типичное народническое убеждение, — справедливо отмечает Твардовская, — что господство буржуазии в России более опасно для социальной революции, чем существующий самодержавный строй»⁶².

Но первый акт — уничтожение самодержавия — не предотвратит еще развитие буржуазии, если вслед за ним не последует народной революции. Каким же образом она может наступить?

Чернопредельцы мыслили более последовательно, когда полагали, что для подготовки ближайшего социального переворота необходима еще более усиленная работа в народе, — только она может быть гарантией того, что политическим переворотом не воспользуется буржуазия. Поэтому они считали, что социалист не имеет права отдавать все свои силы политической борьбе с самодержавием, он может ее только поддержать, но не заниматься ею сам. Степень поддержки или частичного участия в политической борьбе определялась наличными силами организации, занятыми в деревне. А так как они сокращались, то для некоторых наиболее дальновидных землевольцев было ясно, что ими крестьянства не поднимешь. Не возражая против участия в политической борьбе (в известных границах), на практике такие землевольцы должны были поставить вопрос ребром: или политика или работа в деревне. Так и сделал Плеханов на Воронежском съезде. Точка зрения — и то и другое (О. Николаев: «Вали валом попржнему») — казалась ему близорукой, обманчивой. Он видел настроение большинства и понимал, что, если политическую деятельность хотя бы на время не прекратить с санкции съезда, она станет основной и даже единственной.

Народовольцы также понимали, что свержение самодержавия еще не есть социальная революция. Этим объясняется непоследовательность их тактики: сегодня — борьба с правительством, завтра — работа среди рабочих, послезавтра — в крестьянстве, среди раскольников и т.д. ⁶³ В последующем их точка зрения по этому вопросу дифференцировалась: одни полагали, что политический переворот сольется с социальным и убийство царя будет сигналом к крестьянской революции. Однако естественно возникает вопрос: как могли верить в это люди, считавшие работу среди крестьянства безрезультатной? Если усилиями революционеров не удалось поднять крестьян на восстание, то как это можно сделать без таких усилий одним актом убийства царя, учитывая еще царистские настроения крестьянства? Понятно, что такие надежды должны были превратиться у них в необоснованную веру.

Другие считали, что социальный переворот последует через некоторое время после политического, а поэтому предполагали отказаться от «политики» и снова заняться народом, подготавливая его к социальной революции. Таким образом, политиками они должны были быть временными, как социалисты они переставали быть политиками, возвращаясь к старому идеалу. Даже в 1883 г. в работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов писал, что многие до сих пор считают, что заниматься политикой их вынуждают условия абсолютизма в России, полное отсутствие каких-либо условий для легальной деятельности на благо народа, и что как только они изменят эти условия, они откажутся от политики (предоставят «мертвым хоронить своих мертвецов») ⁶⁴ и посвятят себя социализму ⁶⁵.

Третьи предпочитали о социальной проблеме пока не говорить или даже отказаться от нее, как Морозов, а все силы направить на борьбу с самодержавием, превращаясь в мелкобуржуазных радикалов.

В целом же народовольчество не могло, исходя из своих социально-экономических посылок, объяснить, почему за политическим переворотом последует социальная революция. Это в значительной степени объясняется тем, что ни землевольцы-политики, ни потом на-

родовольцы не смогли политическую борьбу сделать классовой. Произошло это не только потому, что исторически рабочий класс не выделился еще в самостоятельную политическую силу, а потому, что сама проблема придания политической борьбе классового характера в целом (ближе всего к ее пониманию подошел Желябов) не была ими понята.

Известное положение марксизма гласит, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Смысл его в том, что, если стать на классовую точку зрения, то есть защищать интересы определенного класса, то борьбу необходимо довести до политической с тем, чтобы с ее помощью решить коренные экономические и социальные проблемы в интересах данного класса. Переход народовольцев к политической борьбе не означал, что они стали на классовую точку зрения. Плеханов писал, что «не всякое данное политическое действие всякой данной группой лиц есть классовая борьба»⁶⁶. Ленин отмечал, что политическую борьбу народовольцы сводили к заговору, что средства их борьбы были сугубо интеллигентскими⁶⁷.

Это не значит, что политическая борьба, которую вели народовольцы, объективно не шла на пользу определенного класса. В этой связи нельзя не согласиться с мнением одного из историков 1830-х гг., который писал, что «от отделения (по представлению народовольцев — «временного») политической борьбы от социализма первая не переставала быть классовой (в том смысле, что шла на пользу определенного класса. — *А.Б.*). Отказ (хотя бы «временный») от социализма обозначал лишь отход от позиций пролетариата и беднейшего крестьянства на позиции «буржуазии»⁶⁸.

Это не противоречит известному ленинскому определению социального содержания народничества, данного им в целом ряде своих работ. Когда он писал, что оно — в протесте против крепостничества и буржуазности в России с точки зрения крестьянина, мелкого производителя⁶⁹, или что «крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества»⁷⁰, то он имел в виду народничество как «крупнейшее течение нашей общественной мысли»⁷¹, относя сюда порой и неонародничество XX в. (трудовиков, эсеров и т.п.). Это не исключает, с одной стороны, существования в нем различных тенденций и направлений, отражавших интересы неоднородных социальных прослоек внутри такого класса (а точнее сословия еще старого общества, поставленного в условия развивающегося капитализма), как российское многонациональное крестьянство, а, с другой стороны, эволюцию самого общественного течения на протяжении более полувека.

С различиями во взглядах на политическую борьбу связана полемика, которую вели на страницах своих печатных органов — «Народная воля» и «Черный передел» — по вопросу о роли государства в социальной революции. Некоторые современные историки народовольчества склонны считать, что истина в полемике была на стороне «Народной воли». Так, например, Твардовская противопоставляет взгляду чернопередельцев, выраженному Плехановым в № 1 «Черного передела»⁷², взгляд народовольцев, высказанный Кибальчицем в № 5 «Народной воли», где он оспаривал вывод чернопередельцев о том, что «всякое изменение в экономических отношениях может произойти лишь как результат борьбы в экономической же сфере, и что

поэтому никакая политическая форма, никакая политическая революция не способна ни задержать, ни вызвать экономический переворот»⁷³. Твардовская видит в нем, если еще не марксистскую, то, во всяком случае, более правильную точку зрения на роль государства в революции по сравнению с чернопередельческой. А между тем от истины были далеки и народовольцы и чернопередельцы, так как вопрос о роли государства решался ими хотя и по-разному, но, по существу, с точки зрения отрицания капитализма, в неизбежность которого не верили ни одни ни другие. Дело в том, что за формальными рассуждениями Плеханова и Кибальчича скрывалось совсем другое. Слова «всякое изменение в экономических отношениях может произойти лишь как результат борьбы в экономической же сфере» не означают абсолютного отрицания противоположного. Действительно, если признано, что самодержавное государство поддерживает капитализм, развивающийся помимо экономической необходимости, — а это признавали и народовольцы и чернопередельцы, — то тем самым чернопередельцами признавалась правомерность следующей мысли: хотя всякие изменения в экономических отношениях, как правило (то есть на Западе), происходили лишь как результат борьбы в экономической же сфере, но в виде исключения (то есть в России) они могут быть следствием действия определенной политической формы (в данном случае самодержавия).

Следовательно, во-первых, в политическом отношении чернопередельцы были не такими уж отсталыми, как это могло казаться народовольцам, а во-вторых, суть разногласий лежит в том, как понимать «экономическую сферу», то есть экономическую необходимость, и каково действительное отношение экономики и политики, а не в признании или непризнании зависимости экономики от политики. Народовольцы выступали за замену самодержавного государства революционным не потому, что правильно решали указанную проблему, а потому, что считали другую политическую форму (революционное государство) способной остановить изменения, происходившие в экономической сфере. «Идея русской самобытности получила новую переработку, и если прежде она вела к полному отрицанию политики, то теперь оказывалось, что самобытность русского общественного развития именно в том и заключается, что экономические вопросы решались и должны решаться у нас путем государственного вмешательства»⁷⁴. В то время, как чернопередельцы в своих теоретических рассуждениях пытались держаться экономической «закономерности», народовольцы доводили теоретические положения той же доктрины до все большей исключительности.

Взгляды землевольцев-политиков, а потом народовольцев на политическую борьбу связаны с пропагандой политической традиции среди народа. Твардовская считает одной из заслуг народовольцев приобщение «народа к политической жизни». При этом она противопоставляет народовольцам взгляды М. Бакунина и его сторонников (сюда, видимо, надо причислить и землевольцев), которые считали данное явление нежелательным. «Политическое развитие с точки зрения бакунизма, — пишет она, — ослабляло революционный дух народа, замедляло возможность восстания»⁷⁵. На самом же деле «Народная воля» на поприще политического воспитания народа сделала

не больше, чем «Земля и воля» и предшествовавшие ей народнические организации, так как действительное политическое воспитание заключалось в степени воздействия организации на народные массы. Можно даже сказать, что «Народная воля» в этом отношении сделала меньше, чем «Земля и воля». Что касается Бакунина и анархистов, то под политической борьбой они понимали только такую деятельность, которая была связана с использованием государства (включая парламентаризм) в революционных целях, и выступали против нее. В воздействии же на народ, в стремлении возбудить в нем активный бунтарский дух (а это и есть «политика» на бакунинский манер) они, естественно, превосходили народовольцев.

Если говорить о распространении политического сознания в народе, то, в первую очередь, надо говорить не о народовольцах, которые понимали под ним, как пишет Твардовская, «привычку и умение следить за всеми государственно-общественными делами, начиная с деревни и кончая дворцом»⁷⁶, а о лавристах, которые кое-что смогли сделать в развитии классового сознания народа и, прежде всего, рабочих.

Вообще же необходимо отметить, что наметившееся не только в последнее время стремление ряда исследователей «Народной воли» все положительное, что было достигнуто в 70—80-х гг. XIX в. в развитии социалистической мысли, приписать исключительно народовольчеству, по существу обедняет и искажает процесс, который они пытаются изобразить. А между тем, давно уже имеется более полная и более объективная точка зрения на эволюцию социалистической мысли в России, выраженная Ш.М. Левиным, который при всем уважении к народовольчеству не забывал подчеркнуть, что наследие «Народной воли» далеко не сводится к усвоению только сильных сторон землевольчества. «Историческое значение “Черного передела”, — писал он, — состояло, между прочим, в том, что он являлся противовесом некоторым явно ошибочным элементам народовольческой идеологии и помешал народовольчеству, как идейному направлению, безраздельно овладеть всей революционной ареной; это в какой-то степени воздействовало на самих народовольцев и, главное, сказалось на последующем ходе русского революционного движения»⁷⁷.

Таким образом, разрешить в полной мере стоявшую перед революционным движением задачу перехода к политической борьбе созданная после раскола «Земли и воли» партия «Народная воля» не смогла. Отказавшись от анархизма, она формально оставалась верной крестьянскому социализму. Это приводило к еще большему, чем раньше, противоречию между практической деятельностью и теорией, которую исповедовала «Народная воля». При этом следует различать противоречия между теорией и практикой, а также в самой теории. Противоречия первого рода — жизненны, и не только разрешение, но и возникновение и развитие их могут составлять заслугу партии или революционной группы. В этом смысле Плеханов говорил об отрицательной заслуге народовольчества⁷⁸. Что же касается противоречий второго рода, то, разумеется, к заслуге партии их не отнесешь. Попытки тех исследователей, которые готовы приписать народовольчеству теоретические заслуги там, где их на самом деле нет, могут вызывать только недоумение независимо от того, из каких соображений они делаются.

Примечания

Автор и Фонд Плеханова посвящают эту публикацию памяти Георгия Валентиновича Плеханова, 100-летняя годовщина смерти которого исполняется 30 мая 2018 года.

1. Представление, что террор, доведенный до цареубийства, превращался в политическую борьбу, нашло отражение в воспоминаниях многих современников. Например, Л.Г. Дейч писал, что покушение на царя «выходило из сферы “дезорганизации правительства”»: оно принимало уже явный характер непосредственной борьбы за политическую свободу, что исключалось бунтарством». ДЕЙЧ Л. Г. В. Плеханов в «Земле и Воле». — Группа «Освобождение Труда», сб. № 3, М.-Л. 1925, с. 58. См. также: ЕГО ЖЕ. Как Г.В. Плеханов стал марксистом. — Пролетарская революция. 1922, № 7, с. 110; ЛЮБАТОВИЧ О. Далекое и недавнее. М. 1930, с. 125—126.
2. ДЕЙЧ Л. Черный передел. В кн.: Историко-революционный сборник. Т. II. Л. 1924, с. 279.
3. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М.-Л. 1965, с. 251.
4. ТВАРДОВСКАЯ В. Кризис «Земли и воли» 70-х годов XIX века. — История СССР. 1959, № 4, с. 68—69.
5. ТЮТЧЕВ Н.С. Революционное движение 1870—80 гг. М. 1925, с. 19.
6. ДЕЙЧ Л. От народничества к марксизму. — Современный мир. 1914, № 2, с. 59.
7. С.С. Волк считает фактически политическими следующие акты землевольцев: 1) демонстрацию у Казанского собора 6 декабря 1876 г., с чем согласны почти все исследователи, 2) демонстрацию у здания окружного суда 31 марта 1878 г. по поводу оправдания В.И. Засулич, 3) шествие студентов-медиков к дворцу наследника 30 ноября 1878 года. См.: ВОЛК С.С. Народная воля. М.-Л. 1965, с. 77. На наш взгляд, к этому перечню надо добавить: демонстрацию в Петербурге в связи с похоронами А.А. Подлевского 25 февраля 1878 г.; митинг и демонстрацию 4 апреля 1878 г. во время панихиды по Г. Сидорацкому, на которых присутствовало 3 тыс. человек. Правда, следует отметить, что в отличие от Казанской демонстрации эти выступления заранее специально не планировались, однако землевольцы принимали в них участие.
8. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения. Т. XXIV. М.-Л. 1927, с. 128.
9. Уместно напомнить в этой связи другое высказывание Плеханова: «В высшей степени замечательно, что народники, действовавшие преимущественно в крестьянстве, вспомнили прежде всего рабочих, когда им пришлось рассуждать о борьбе классов». ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIV, с. 105.
10. ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг. М. 1969, с. 16—17.
11. На это также указывает С. Волк. См.: ВОЛК С.С. Ук. соч., с. 77.
12. ТРОИЦКИЙ Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов. 1971, с. 3.
13. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 12. М. 1968, с. 40.
14. ТУН А. История революционных движений в России. М.-Пг. 1923, с. 163.
15. Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-на-Дону. Б. г., с. 51.
16. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения. Т. I. Пг. 1920, с. 110.
17. В.И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л. 1969, с. 155.
18. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIV, с. 176—177.
19. Там же, т. I, с. 114.
20. Литература партии «Народной Воли». М. 1907, с. 172.
21. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. I. М. 1967, с. 462—463.
22. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIV, с. 308. В другом месте он писал: «Поэтому и в Воронеже спор происходил не между “кустарным производством” и “дезорганизацией” (“террором”), а между “террором” и революционной агитацией в народе». Там же, с. 149.
23. М.Р. Попов писал, «что не будь у А.Д. (Михайлова. — А.Б.) на первых порах той страстности и почти узости понимания деятельности, на которую повелительно

- толкали революционеров окружающие условия, раскола “З. и В.” не произошло бы. За это говорит, между прочим, то, что многие из чернопередельцев возвратились скоро к деятельности народовольцев». ПОПОВ М.Р. Записки землевольца. М. 1933, с. 142.
24. ДЕЙЧ Л. От народничества к марксизму. — Современный мир. 1914, № 2, с. 59.
 25. Не следует забывать слова Плеханова, что первыми политические требования выдвинули рабочие, а не интеллигенты. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения. Т. III. М. 1922, с. 58.
 26. ДЕЙЧ Л. Г.В. Плеханов в «Земле и Воле», с. 58.
 27. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения. Т. XIII. М.-Л. 1926, с. 25.
 28. Революционная журналистика семидесятых годов, с. 103—104, 109.
 29. Там же, с. 264.
 30. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. II. М. 1961, с. 425.
 31. Если Мезенцов был убит, по выражению С. Кравчинского, не как шеф жандармов, а «как человек, совершивший ряд преступлений, которые мог и должен был не совершать», а Дрентельн был уже достоин смерти «за одно то, что был при существующих политических условиях шефом жандармов» (ТВАРДОВСКАЯ В. Кризис «Земли и воли» 70-х годов XIX века, с. 63), то царя тем более нужно было приговорить к смерти за одно то, что он самодержец.
 32. Литература партии «Народной Воли», с. 86—87.
 33. «Догматически отрицая “политику”, — пишет В.А. Твардовская, — “деревенщичи”, как только вопрос становился на практическую почву, вопреки своим убеждениям вынуждены были обращаться к тем же способам борьбы, что и их противники. Они шли за “политиками” не потому, что разделяли их взгляды, а потому, что чувствовали свое бессилие, невозможность какой-либо иной деятельности. Именно в идейной несостоятельности защитников старой программы причина того, что многие из них принимали участие в террористических покушениях, и причина их компромиссного поведения после Совета». ТВАРДОВСКАЯ В. Кризис «Земли и воли» 70-х годов XIX века, с. 69. Скорее всего причина более проста: если политическая борьба — это не единственно террор, то и террор — не только политическая борьба. Участвуя в терроре, Попов продолжал свою старую дезорганизаторскую деятельность и ему незачем было изменять своим старым взглядам.
 34. По этому поводу Плеханов говорил, что «задача революционного действия, — если уж признавать таковое, что резко противоречило нашему тогдашнему бакунизму, — представлялась нам гораздо более широкой. Я возражал Морозову, что на кончике кинжала нельзя утверждать здание парламента. Я и некоторые другие мои единомышленники надеялись, что нам удастся привезти из Воронежа резолюцию, осуждающую такое неслыханноузкое понимание революционного действия». ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIV, с. 307.
 35. Например, М.Г. Седов пишет: «Плеханов был прав, когда говорил, что террористическое движение в России логически выросло из бунтарства, но он допускал ошибку, когда все изменения в революционном движении отождествлял с терроризмом». СЕДОВ М.Г. Героический период революционного народничества. М. 1966, с. 144.
 36. С.С. Волк, например, в своей работе о «Народной воле» помимо организаторской и террористической деятельности специально останавливается на работе народовольцев среди молодежи и студенчества, рабочих и даже среди крестьян. ВОЛК С.С. Ук. соч., гл. 9, 11—12.
 37. Э.А. Корольчук и в ранних своих работах и в более поздних отмечала, что рабочее движение 1878—1879 гг., а следовательно и участие в нем революционеров, было выше, чем в период деятельности «Народной воли». КОРОЛЬЧУК Э.А. «Северный союз русских рабочих» и рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. М. 1971, с. 101—102.
 38. ФРОЛЕНКО М. Начало «народовольчества». — Каторга и ссылка. 1926, № 3 (24), с. 22.
 39. К тому, что революционный террор становился основным в деятельности партии «Народной воли», склоняются исследователи и в последних вышедших работах.

- См., например: БУДНИЦКИЙ О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М. 2000, с. 110, 113—115.
40. ЛЮБАТОВИЧ О. Ук. соч., с. 75.
 41. Литература партии «Народной Воли», с. 84.
 42. Там же, с. 86.
 43. Там же, с. 84.
 44. Там же, с. 86.
 45. Незданная записка Льва Тихомирова. — Каторга и ссылка. 1926, № 3 (24), с. 121.
 46. «Партия должна подготавливаться именно к восстанию», — подчеркивалось в «Подготовительной работе партии», — которое должно осуществиться в любом случае, даже «если партии придется самой начать восстание, а не присоединиться к народному движению». Литература партии «Народной Воли», с. 434—435.
 47. ВОЛК С.С. Ук. соч., с. 89.
 48. Незданная записка Льва Тихомирова, с. 122.
 49. ИОХЕЛЬСОН В.И. Первые дни Народной воли. Пг. 1922, с. 17.
 50. На мой взгляд, С.С. Волк вслед за Л.А. Тихомировым ошибается, когда пишет, что Морозов «хотел вынудить уступки у правительства путем террора, а потом довести дело до революции». (ВОЛК С.С. Ук. соч., с. 89). Ведь, согласно мнению Морозова, как отмечено выше, террор — революционное средство борьбы, остальные — мирные.
 51. ИОХЕЛЬСОН В.И. Ук. соч., с. 17.
 52. ВОЛК С.С. Ук. соч., с. 89.
 53. Там же.
 54. Два письма А.Д. Михайлова. — Былое. 1924, № 24, с. 278. В этой связи интересно привести мнение противника цареубийства В.Ф. Трошанского, которое при одинаковой аргументации противоположно по выводам: «Вышло бы то, что получился бы новый царь, который бы из одного приличия не мог бы дать ни амнистии, ни прекратить вешание, ни вообще либеральных реформ не мог бы дать — ведь убит бы был его отец и царь!» Революционное народничество 70-х годов XIX века, т. II, с. 104. Сопоставление этих двух взглядов показывает, что никакая субъективная оценка последствий убийства царя ничего не дает, если при этом отсутствует трезвый учет революционных, а также вообще оппозиционных сил и возможностей. Не убийство одного или подряд двух-трех царей могло привести к уступкам, а наличие такой политической силы, с которой вынуждено было бы считаться правительство. Конечно, политический террор мог ввести в заблуждение представителей власти, которые пошли бы на уступки. В этом и только этом может быть оправдание надеждам, возлагавшимся народовольцами на цареубийство. Но осуществление уступок всецело зависело не от террора самого по себе, а от той политической силы, которая за ним стояла и его поддерживала.
 55. «Пока наши революционеры не умели совершить теоретическое примирение социализма с политикой, до тех пор они по необходимости выступали попеременно то как социалисты-утописты, то как “либералы”». ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIV, с. 113.
 56. Слова Желябова в письме к М.П. Драгоманову «видишь спасение в распадении империи на автономные части», по-видимому, должны означать: остаешься верным старым анархически-социалистическим идеалам, а слова «требуешь Учредительского собрания» — поневоле становишься государственным, раз избрал путь политической борьбы. Письмо А.И. Желябова к М.П. Драгоманову. — Былое. 1906, № 3, с. 73.
 57. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIV, с. 105.
 58. Там же, с. 104.
 59. Литература партии «Народной Воли», с. 47.
 60. Там же.
 61. В.А. Твардовская, ссылаясь на значительное внимание, уделявшееся народовольцами социально-экономическим вопросам, выразила свое несогласие с мнением С.С. Волка, что проблема социально-экономических предпосылок революции народовольцами не была поставлена. (ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг., с. 101). Хочется заметить, что научную

разработку вопроса нельзя определять таким показателем, как количество написанных статей.

62. ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг., с. 138.
63. Литература партии «Народной Воли», с. 4.
64. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. I, с. 106.
65. Вот почему нельзя согласиться с мнением В.А. Твардовской, что «для народовольцев социализм — не гибель государственности, каким он представлялся большинству народников 70-х годов, а ее расцвет». (ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг., с. 187). Народовольцев можно считать государственниками на период ломки старых учреждений и создания новых, которые должны были поддержать общинные принципы. Наконец, их можно считать государственниками, поскольку полное осуществление социалистических принципов они отодвигали в будущее. Но они не представляли социализм как государственный строй. И это, разумеется, не может показать В.А. Твардовская, пишущая даже о «построении будущего государственного строя» (с. 187) народовольцами. Внешне автору удается создать видимость отсутствия противоречия в своих рассуждениях тем, что понятие государственный строй она подменяет понятием общественный строй (см. два примера на с. 187), понятие политическая жизнь понятием вольная жизнь (с. 188) и т.д. Даже употребление народовольцами таких выражений как «государственное устройство» (с. 192), «государственные дела» (с. 193) не меняют положения. Автор сама считает документы, в которых употребляются эти термины, «близкими по духу» бакунистам и анархистам, «перевитками старонароднического, бакунистского федерализма» (с. 193).
66. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. XXIX, с. 139.
67. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 2. М. 1967, с. 459; т. 4, с. 372; т. 9, с. 130; т. 12, с. 180.
68. ЧЕРНОМОРДИК С. К 50-летию Группы «Освобождение труда». — Каторга и ссылка. 1933, № 10 (107), с. 12. Из современных историков можно сослаться на мнение Р.В. Филиппова, который считает, что «борьба народовольцев с царским правительством становилась борьбой буржуазных радикалов за политическую свободу». ФИЛИППОВ Р.В. Соотношение революционно-народнического и рабочего движения в России в 70-х годах XIX века. В кн.: Общественное движение в пореформенной России. М. 1965, с. 239.
69. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 1, с. 355, 462.
70. Там же. Т. 22. М. 1968, с. 305.
71. Там же; т. 1, с. 352.
72. Г.В. Плеханов писал: «Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренной причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим». ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. I, с. 47.
73. Литература партии «Народной Воли», с. 170.
74. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. I, с. 115.
75. ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг., с. 204.
76. Там же, с. 205.
77. ЛЕВИН Ш.М. «Черный передел» и проблема политической борьбы. В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М. 1961, с. 253; ЕГО ЖЕ. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М. 1958, с. 489—490.
78. ПЛЕХАНОВ Г.В. Сочинения, т. I, с. 116—117.